

Содержание

Благодарности	7
Предисловие к русскому изданию	15
Введение	28
<i>Коммунизм и религия</i>	37
<i>Что такое религия?</i>	51
<i>Что такое атеизм?</i>	59
<i>Визитная карточка коммунистической цивилизации</i>	66
Глава 1. Религиозный фронт: воинствующий атеизм при Ленине и Сталине	70
<i>Старый мир</i>	72
<i>Большевики-ленинцы</i>	81
<i>Большевики-просветители</i>	92
<i>Большевики — строители нового мира</i>	102
<i>Большевики-сталинцы</i>	117
<i>Патриотическая церковь</i>	129
<i>На атеистическом фронте без перемен</i>	136
<i>Заключение</i>	140
Глава 2. Призрак бродит в царстве коммунизма: антирелигиозные кампании при Хрущеве	142
<i>Уродливая гримаса старого быта</i>	145
<i>Возвращение атеизма: кампания 1954 г.</i>	150
<i>Две идеологии одновременно</i>	168
<i>Большая опасность: антирелигиозная кампания 1958–1964 гг.</i>	175
<i>Заключение</i>	192
Глава 3. Космическое просвещение: советский атеизм как наука	197
<i>Небо — пустое!</i>	204
<i>Планетарий — верующим</i>	214
<i>Библия для космонавтов</i>	223
<i>Не спутником единым</i>	226
<i>Заключение</i>	231
Глава 4. Путь в душу советского человека: мировоззренческое содержание советского атеизма	234
<i>Строительство коммунизма</i>	237
<i>Атеизм — в массы</i>	250
<i>Клубы и лекции против церквей и проповедей</i>	262
<i>Война мировоззрений</i>	272
<i>Советский атеизм между наукой и религией</i>	285
<i>Заключение</i>	299

Глава 5. «Нужно изучить, где потеряли человека»: советский атеизм как общественная наука	304
<i>Идеология как общественная наука</i>	306
<i>Дом для советского атеизма</i>	311
<i>Карта советской религиозности</i>	317
<i>В поисках атеистической духовности</i>	321
<i>Атеистическая семья</i>	325
<i>Слезы атеистов</i>	333
<i>К обществу, свободному от религии</i>	340
<i>Заключение</i>	346
Глава 6. Коммунистическая партия между государством и церковью: советский атеизм и социалистические обряды	349
<i>От церкви к государству: секуляризация советской жизни</i>	351
<i>«Брак — серьезное дело»: новая советская свадьба</i>	360
<i>Отвлечь советских людей от религии: советские обряды как орудие атеистической пропаганды</i>	368
<i>От государства к церкви: сакрализация жизни советского общества</i>	374
<i>Что за крестиком?</i>	392
<i>Заключение</i>	398
Глава 7. Социалистический образ жизни: советский атеизм и духовная культура	400
<i>Социалистический образ жизни как духовный проект</i>	405
<i>Новые богоискатели</i>	411
<i>Советская молодежь как потребитель духовной культуры</i>	424
<i>Невоинствующий атеизм</i>	442
<i>Воинствующая религия</i>	450
<i>Заключение</i>	462
Заключение	468
<i>Осиротевшее дитя утопии: советский атеизм и конец коммунистического проекта</i>	468
<i>Возвращение религии</i>	469
<i>Уход атеизма</i>	488
Список используемых аббревиатур и сокращений	502
Библиография	503
Именной указатель	544

Глава 1

Религиозный фронт: воинствующий атеизм при Ленине и Сталине

В канун революции 1917 г. российское самодержавие представляло собой православное государство, управлявшее многоконфессиональной империей. Российская империя занимала одну шестую часть земной суши, и среди 130 миллионов ее подданных были православные, мусульмане, иудеи, буддисты, католики, лютеране и представители различных протестантских конфессий, а также приверженцы бесчисленных туземных культов. Чтобы управлять этим огромным и разнообразным населением, имперская власть опиралась, по определению историка Пола Верта, на «конфессиональное управление», используя религиозные институты для увеличения сферы своего влияния — все шире раздвигая пределы империи и все глубже проникая в жизнь рядовых подданных, чей мир по-прежнему был далек от центра царской власти¹. С помощью религиозных институтов государство

1. *Werth P.W.* The Tsar's Foreign Faiths: Toleration and the Fate of Religious Freedom in Imperial Russia. Oxford: Oxford University Press, 2014. Обзор конфессионального ландшафта Российской империи см.: *Ibid.* P. 12–29. См. также: *Of Religion and Empire: Missions, Conversion, and Tolerance in Tsarist Russia* / Ed. by R.P. Geraci and M. Khodarkovsky. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2001; *Crews R.D.* Empire and the Confessional State: Islam and Religious Politics in Nineteenth-Century Russia // *American Historical Review*. 2003. Vol. 108. № 1. P. 50–83; *Crews R.D.* For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2006; *Weeks T.R.* Nation and State in Late Imperial Russia: Nationalism and Russification on the Western Frontier, 1863–1914. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2008; *Долбилов М.Д.* Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика

демонстрировало свою власть, объединяло свое разнородное население, управляло возрастающим числом «инославных» конфессий и осуществляло дисциплинарное воздействие на индивидуальную мораль¹. Православная церковь занимала привилегированное положение на вершине имперской иерархии конфессий и наряду с выполнением своей духовной миссии играла существенную политическую роль, обеспечивая трансцендентную легитимацию земной власти царя. Положение православной веры как первой среди равных было формально обосновано в середине XIX в. теорией «официальной народности» — трехчастной идеологической формулой имперской власти, включавшей православие, самодержавие и народность. Последний термин означал «национальное мышление» народа, выражающееся в его повиновении царю и преданности православной церкви². Религия вообще — и православие в особенности — играла ключевую роль в политической, социальной и культурной структуре старого режима.

Если российское самодержавие было православным государством, управляющим многоконфессиональной империей, то большевики были партией, стремившейся создать светское государство для строительства коммунизма.

империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М.: Новое литературное обозрение, 2010; Kane E. Russian Hajj: Empire and the Pilgrimage to Mecca. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2015.

1. Werth P. W. In the State's Embrace? Civil Acts in an Imperial Order // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2006. Vol. 7. № 3. P. 433–458; Steinwedel Ch. Making Social Groups, One Person at a Time: The Identification of Individuals by Estate, Religious Confession, and Ethnicity in Late Imperial Russia // *Documenting Individual Identity: The Development of State Practices in the Modern World* / Ed. by J. Caplan and J. Torpey. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2001. P. 67–82 [см. в русском переводе: *Стейнведел Ч. Создание социальных групп и определение социального статуса индивидуума: Идентификация по сословию, вероисповеданию и национальности в конце имперского периода в России* // *Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. Антология* / Сост. П. Верт, П. С. Кабытов, А. И. Миллер. М.: Новое издательство, 2005. С. 610–633. — *Примеч. пер.*].
2. Об «официальной народности» и двойственности понятия «народность» см.: Riasanovsky N. *Russian Identities: A Historical Survey*. New York: Oxford University Press, 2005. P. 133, 141.

Но на пути к достижению этой цели большевикам сначала пришлось иметь дело с унаследованными от императорской России учреждениями, идеологиями и парадигмами культуры и лишить религию ее центрального положения в политической, общественной и культурной жизни.

Придя к власти, большевики использовали различные каналы для воплощения своих идей в жизнь: от образования, просвещения и реформ в сфере культуры до административного регулирования, политических репрессий, террора и насилия. Но, несмотря на антирелигиозные лозунги внутри страны и на репутацию безбожных атеистов, которую они быстро приобрели за рубежом, на самом деле у партии не было ни системного подхода к управлению религией, ни консенсуса относительно сущности и назначения атеизма как составляющей части советского проекта. Вместо того чтобы руководствоваться последовательным и ясным представлением о роли атеизма в строительстве нового коммунистического мира, советская политика в отношении религии и атеизма диктовалась противоречивыми целями и носила характер импровизации. Более того, ее применение сдерживалось политической и социальной обстановкой на местах. В стремлении спасти революцию и консолидировать власть большевики зачастую были вынуждены делать выбор между противоположными императивами: идеологической чистотой или эффективным управлением, культурной революцией или социальной стабильностью. Вопрос о том, как приверженность партии атеизму повлияет на советскую религиозную политику, долгое время оставался без точного ответа, что порождало колебания и противоречия, определявшие политическую, социальную и духовную жизнь страны при Ленине и Сталине.

Старый мир

Для России история «старого мира» началась в 988 г., с крещения Руси. Согласно «Повести временных лет», начало «Русской земли» было связано с принятием христианства

великим князем Владимиром, который благодаря этому смог объединить подвластные ему земли и народы. До 988 г. Владимир, чтобы сосредоточить власть в своих руках, уже пытался создать пантеон из многочисленных языческих богов, которым поклонялись проживавшие в его владениях восточные славяне, но когда языческий пантеон оказался бесполезным для достижения политических целей, Владимир обратился к монотеистическим религиям своих соседей. В 986 г., как рассказывает летопись, к нему прибыли посланцы от мусульман из Волжской Булгарии, иудеев из Хазарии, западных христиан из Рима и восточных христиан из Константинополя. Воодушевленный тем, что он услышал о Константинополе, Владимир отправил своих послов в Византию; по возвращении послы доложили, что храм Святой Софии в Константинополе столь величествен, что они «и не знали — на небе или на земле мы»¹. Владимир обратился в христианство, разрушил языческое святилище и насильственно крестил свой народ. Таким образом в 988 г. Русская земля стала христианской.

История крещения Руси в равной степени повествует о духовном спасении и консолидации политической власти. С самого начала российская государственность

1. *Franklin S., Shepard J.* The Emergence of Rus 750–1200. London: Longman, 1998. P. 367–369 [см. русский текст: Повесть временных лет / Подгот. текста, пер. ст. и коммент. Д. С. Лихачева. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Наука, 1999. С. 49, 186. — *Примеч. пер.*]. Историки Франклин и Шепард пишут, что русские земли «пришли в упадок в период феодальной раздробленности», что привело к «катастрофической дезинтеграции» (р. 367–368). Однако они также ставят вопрос о том, была ли ранняя Киевская Русь «целостностью или множеством» (р. 369). По их версии, она представляла собой и то и другое: «Она не была унитарным государством, там не существовало ни четкой иерархии власти, ни центральных административных структур, не наблюдалось и институциональной атрофии, которая могла бы сдерживать развитие местных экономических инициатив. С другой стороны, существовало явное сходство между землями, принадлежащими правящей династии, отличавшее их — вместе взятые — от их соседей» (р. 369). См. также: *Vlasto A. P.* The Entry of the Slavs into Christendom: An Introduction to the Medieval History of the Slavs. Cambridge: Cambridge University Press, 1970.

и политическая идентичность были неразрывно связаны с православным христианством. В какой-то мере причиной тому был рост напряженности в отношениях между латинским Западом и византийским Востоком, что в конце концов привело к расколу христианской церкви в 1054 г. Киевская Русь, незадолго до этого обращенная в христианство, осталась под контролем Византии. В течение двух следующих столетий Византийская империя клонилась к упадку и в 1439 г. на Флорентийском соборе пошла на компромисс с католической церковью, признав главенство папы римского в обмен на помощь в борьбе против османской угрозы. Православная церковь, не желая заключать такой компромисс, де-факто стала независимой от византийской церкви¹. После падения Константинополя в 1453 г. Московская Русь стала позиционировать себя как единственное политически независимое православное государство, что придало ей существенный политический капитал. По мере того как Московское царство укрепляло свою политическую власть, православная церковь также держалась все увереннее и в 1589 г. учредила собственную патриархию. Что касается отношений между церковью и государством, то они носили взаимовыгодный характер. Если православная церковь нуждалась в Российском государстве, чтобы отстаивать свою церковную автономию, то Российское государство нуждалось в православной церкви для утверждения своей политической легитимности. Теоретические основания российской государственности были сформулированы церковными авторами, и согласно им авторитет православного правителя определялся его способностью отстаивать и защищать истинную веру. Правители России, таким образом, зависели от православия, символически наделявшего политические порядки сакральным смыслом.

Через всю историю России красной нитью проходит идея, что спасение России — в способности государства противостоять двум извечным угрозам его территориальному

1. *Fedotov G.P. The Russian Religious Mind. Vol. 2. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1966. P. 22.*

и культурному суверенитету: внутренней разобщенности и иностранной оккупации. Необходимым условием выполнения этой задачи считалось сильное государство — или образ сильного государства, что, возможно, еще важнее.

Старый режим в России представлял собой традиционный политический порядок: правитель был самодержцем, а народ — подданными. В то же время начиная с Петра Великого (годы правления 1682–1725) российское самодержавие было вовлечено в общеевропейские процессы роста и консолидации государств. Европейские государства раннего Нового времени, чтобы мобилизовывать ресурсы и управлять наиболее эффективным образом, заручались поддержкой церкви как партнера в деле дисциплинарного воздействия на своих подданных. Представления Петра о рациональном государстве включали Россию в это широкое европейское течение¹. Неустойчивая власть Российского государства и его слабый контроль над местным управлением приводили к тому, что государство всегда видело в церкви одновременно союзника и угрозу — конкурирующую властную структуру, которая может поддерживать государство, а может и подрывать его власть. Петр, чье взросление пришлось на время подъема движения старообрядцев — церковного раскола, которым было ознаменовано беспокойное правление его отца, царя Алексея Михайловича (годы правления 1645–1676), — своими глазами видел, к каким бедствиям может привести соперничество властных структур. В ходе своих церковных реформ Петр поставил церковь под контроль Святейшего синода, новой правительственной структуры, которую возглавлял мирянин. Петровские реформы расширили сферу бюрократического и политического влияния государства, внедрив ведение записей о рождениях, браках и смертях (которые должны были вести приходские священники), упорядочив борьбу с «суеверием», сделал

1. О роли религиозной дисциплины в консолидации государства раннего Нового времени см.: *Gorski Ph.S. The Disciplinary Revolution: Calvinism and the Rise of the State in Early Modern Europe*. Chicago: University of Chicago Press, 2003.

обязательной ежегодную исповедь и обязав духовенство сообщать о содержании исповеди, если оно могло быть истолковано как политическая угроза¹. С точки зрения самодержавного управления огромной и мультиконфессиональной страной работа по определению и регулированию норм поведения была слишком важна, чтобы доверять ее кому-то, кроме самого государства². Как показывает Виктор Живов, «Петр ни к какому обновленному благочестию не стремился. Вообще, для русских властей дисциплина была несравненно важнее каких-либо религиозных ценностей»³.

Однако целью петровских церковных реформ было не только поставить политическую власть государства выше церковной, но и присвоить духовную харизму церкви. Для Петра важнейшей ценностью православия была способность поддерживать государственную идеологию. Как

1. О церковных реформах Петра I см.: *Cracraft J.* The Church Reform of Peter the Great. Stanford, CA: Stanford University Press, 1971. О Святейшем синоде см.: *Basil J.D.* Church and State in Late Imperial Russia: Critics of the Synodal System of Church Government (1861–1914). Minneapolis: University of Minnesota Press, 2005. Сущность «симфонии» между Русской православной церковью и Российским государством остается предметом споров. Две противоположные точки зрения см.: *Pipes R.* The Church as Servant of the State // *Pipes R.* Russia under the Old Regime. New York: Penguin, 1974. P. 221–245; *Freeze G.L.* Handmaiden of the State? The Church in Imperial Russia Reconsidered // *Journal of Ecclesiastical History.* 1985. Vol. 36. № 1. P. 82–102. Фриз выдвигает убедительные возражения против того, чтобы рассматривать церковь как служанку государства. Тем не менее я придерживаюсь точки зрения Веры Шевцов, что государство устанавливало параметры деятельности церкви, даже если не было непосредственно вовлечено во все аспекты церковных дел. См.: *Shevzov V.* Russian Orthodoxy on the Eve of Revolution. New York: Oxford University Press, 2004. P. 15–17.
2. О борьбе государства с «суеверием» в имперской России см.: *Dixon S.* Superstition in Imperial Russia // *Past & Present.* 2008. Vol. 199. P. 207–228; *Живов В.М.* Дисциплинарная революция и борьба с суеверием в России XVIII века: «провалы» и их последствия // Антология революции: Сборник статей по материалам XVI Банных чтений журнала «Новое литературное обозрение» / Сост. и ред. И. Прохорова, А. Дмитриев, И. Кукулин, М. Майофис. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 327–361.
3. *Живов В.М.* Дисциплинарная революция и борьба с суеверием... С. 352.

отмечает Вера Шевцов, «Духовный регламент» Петра I (1721) был предназначен, чтобы разъяснить подданным — тем, кто «помышляет, что таковой правитель есть то второй Государь Самодержцу равносильный, или и больше его» — различие между политической и духовной властью и главенство первой из них над второй¹. Таким образом, в течение всего имперского периода Российское государство и православная церковь действовали, по словам Надежды Киценко, «рука об руку», управляя народом на земле и направляя его к спасению души на небесах².

Самодержавие достигло своего апогея при Николае I (годы правления 1825–1855), но вскоре, при Александре II (годы правления 1855–1881), Великие реформы 1860-х гг. в сфере юриспруденции, экономики, военного дела и образования стали изменять традиционные порядки в России³. Важнейшей реформой, осуществленной императорской властью, было освобождение крестьян в 1861 г., которое предоставило российским крестьянам различные свободы, включая право менять место жительства в поисках лучших возможностей. Экономические перемены в России конца XIX в., в особенности индустриализация, означали, что теперь эти возможности были сконцентрированы в городах империи. По мере того как крестьяне переезжали в города и становились рабочими, их мир расширялся за пределы родной деревни, а фабрика и новая городская культура, с которой они сталкивались, изменяли их мировоззрение. В городе эти новые рабочие соприкасались с современной политикой и с революционной

1. *The Spiritual Regulation of Peter the Great* / Transl. and ed. by A. V. Muller. Seattle: University of Washington Press, 1972. P. 10; цит. по: *Shevzov V. Russian Orthodoxy on the Eve of Revolution*. P. 16, note 21.
2. *Kizenko N. Hand in Hand: Church, State, Society, and the Sacrament of Confession in Imperial Russia* (в печати). Выражаю свою признательность Надежде Киценко, позволившей мне ознакомиться с ее неизданной рукописью.
3. *Chulos Ch. J. Converging Worlds: Religion and Community in Peasant Russia, 1861–1917*. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2003. P. 5; *Lewin M. Popular Religion in Twentieth-Century Russia // The World of the Russian Peasant: Post-emancipation Culture and Society* / Ed. by B. Eklof and S. Frank. Boston: Unwin Hyman, 1990. P. 155–168.

интеллигенцией, организовывавшей политические кружки, чтобы раскрыть рабочим глаза на убожество их положения и научить, как они могут улучшить свою судьбу¹.

В то же время, хотя империя и шла по пути модернизации, в ней сохранялось и немало традиционного, в том числе в религиозной культуре. Современное представление о религии — как о неких практиках, основанных на вере и совершающихся в специально отведенном для этого пространстве и времени, — по всей вероятности, оставалось чуждым для большинства населения. Религия, вместо того чтобы быть вытесненной в четко определенную сферу, простирала свое влияние далеко за пределы церкви и церковных догм. Религия оставалась стержнем политики, бюрократической системы, культуры и образования; она была встроена в повседневную жизнь, упорядочивая время и пространство, разделяя труд и отдых, сплачивая людей общей историей и формируя основу индивидуальной и групповой идентичности. Именно вокруг религии объединялись люди, чтобы вместе совершать паломничества, встречать праздники, соблюдать посты и отмечать рождения, свадьбы и смерть. Религия затрагивала не столько веру, сколько весь образ жизни людей, охватывая те ценности и обычаи, которые в большинстве своем просто воспринимались как должное². Даже когда связи между рабочим и деревней ослабевали, они редко исчезали полностью.

В начале XX в., в царствование последнего российского императора Николая II (годы правления 1894–1917), самодержавный порядок рушился под напором модернизации.

1. *Zelnik R.E.* «To the Unaccustomed Eye»: Religion and Irreligion in the Experience of St. Petersburg Workers in the 1870s // *Russian History*. 1989. Vol. 16. № 2–4. P. 297–326; *Steinberg M.D.* Workers on the Cross: Religious Imagination in the Writings of Russian Workers, 1910–1924 // *Russian Review*. 1994. Vol. 53. № 2. P. 213–239; *Herrlinger P.* Working Souls: Russian Orthodoxy and Factory Labor in St. Petersburg, 1881–1917. Bloomington, IN: Slavica, 2007.
2. О народном православии см.: *Shevzov V.* Russian Orthodoxy on the Eve of Revolution; *Worobec Ch.* Lived Orthodoxy in Imperial Russia // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2006. Vol. 7. № 2. P. 329–350.

В ходе революции 1905 г. требования народа вынудили царя предоставить населению определенные гражданские права и политические свободы, в том числе «укрепить начала» веротерпимости, что позволило отдельным людям на законных основаниях отпадать от православной церкви¹. На возникшем плюралистическом «рынке» религий православие как традиционное вероисповедание с трудом выдерживало конкуренцию с другими конфессиями². Это особенно касалось различных «сект», которые становились все многочисленнее и все громче заявляли о себе³. В то же время религия была настолько важна для политического, социального и культурного порядка империи, что даже либеральные реформаторы опасались строить Российское государство на секулярном основании — как в административном отношении, путем создания светской

1. *Werth P.W.* The Emergence of «Freedom of Conscience» in Imperial Russia // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2012. Vol. 13. № 3. P. 585–610; *Poole R.A.* Religious Toleration, Freedom of Conscience, and Russian Liberalism // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2012. Vol. 13. № 3. P. 611–634; *Frede V.* Freedom of Conscience, Freedom of Confession, and «Land and Freedom» in the 1860s // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2012. Vol. 13. № 3. P. 561–584.
2. Как отмечает историк Джеффри Хоскинг, «симфонические» отношения православной церкви с имперским государством служили для нее источником привилегий и протекции, но в то же время налагали на нее «двойные узы»: «Положение официальной церкви имело свои преимущества, но и свои недостатки — прежде всего невозможность соблюдать собственные принципы». Бюрократизация церкви привела к ее отчуждению от жизни простых людей и в то же время обязала ее «выполнять функции, делегированные ей имперским государством, чьи приоритеты были ей чужды». См.: *Hosking G.* The Russian Orthodox Church and Secularisation // *Religion and the Political Imagination* / Ed. by I. Katznelson and G. Stedman Jones. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 117.
3. *Эткинд А.* Хлысты: Секты, литература и революция. М.: Новое литературное обозрение, 1998; *Engelstein L.* Castration and the Heavenly Kingdom: A Russian Folktale. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2003 [см. на русском языке: *Энгельштейн Л.* Скопцы и Царство Небесное. Скопческий путь к искуплению. М.: Новое литературное обозрение, 2002. — *Примеч. пер.*]; *Zhuk S.I.* Russia's Lost Reformation: Peasants, Millennialism, and Radical Sects in Southern Russia and Ukraine, 1830–1917. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2004.

бюрократии, так и идеологически, последовательно проводя в жизнь принцип «свободы совести», провозглашенный царем в Манифесте 17 октября 1905 г.¹ Действительно, Указ «Об укреплении начал веротерпимости» ярко высветил противоречия модернизирующегося самодержавия, поскольку в нем не хватало настоящей свободы совести — он лишь дозволял переход в иные христианские конфессии (но не отпадение от христианства)².

Российские государственные деятели также опасались, что без религиозной опоры расширяющаяся пропасть между государством и народом — который, с точки зрения государства, оставался суверенным, иррационально мыслящим и потому потенциально непокорным и неуправляемым — станет непреодолимой. Консервативные чиновники боялись, что отказ от религии как от политического и идеологического фундамента имперских порядков приведет к атеизму, а тот, в свою очередь, к моральному коллапсу и подрыву основ самого государства. В свою очередь, либеральные реформаторы, приверженные принципу свободы совести, признавали, что Российскому государству недостает бюрократических кадров, которые позволили бы обходиться без конфессионального управления. Наконец, с точки зрения большинства революционной интеллигенции, прочные связи между российским самодержавным государством и православной церковью превращают церковь — и религию вообще — во врага всего хорошего, справедливого и просвещенного. Атеизм, который, как доказывает Виктория Фреде, в начале XIX в. был «немыслим» даже для образованной элиты, к началу XX столетия стал способом достижения моральной и политической автономии и от церкви, и от государства³.

1. *Engelstein L.* Slavophile Empire: Imperial Russia's Illiberal Path. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2009. P. 92–94; *Werth P.W.* The Tsar's Foreign Faiths. P. 187–188, 195.

2. *Werth P.W.* The Tsar's Foreign Faiths. P. 230–232, 239.

3. *Frede V.* Doubt, Atheism, and the Nineteenth-Century Russian Intelligentsia. Madison: University of Wisconsin Press, 2011. P. 11, 35. О религиозных и идейных убеждениях дореволюционной русской интеллигенции см. также: *Read Ch.* Religion, Revolution and the

В период от Великих реформ до 1917 г. традиционные порядки в России содержали множество противоречий. Власти приходилось иметь дело с быстрым распространением новых сект и «инославных» вероисповеданий, с усиливающимися требованиями гражданских прав со стороны увеличивающегося городского образованного населения и с новыми представлениями о религии как о вопросе личной совести, а не групповой принадлежности. Вопреки всему этому государство продолжало опираться на политическую, идеологическую и административную функцию религии. Модернизация трансформировала самодержавный режим и поставила его лицом к лицу с вопросами и проблемами, которые он не мог игнорировать. Тем не менее царь по-прежнему, и до самого конца, видел в своем народе скорее подданных, нежели граждан. Его подданные, в свою очередь, все чаще выходили за рамки традиционной сословной и вероисповедной идентичности, осознавая себя членами этнических и национальных групп, представителями классов, а также личностями, обладающими правами и свободами.

Таков был политический, социальный и культурный ландшафт, доставшийся в наследство большевикам, когда они захватили власть в октябре 1917 г.

Большевики-ленинцы

Из марксистско-ленинского учения, в соответствии с которым большевики трактовали религию, следовали четкие выводы. Религия воспринималась как порождение

Russian Intelligentsia, 1900–1912. London: Palgrave Macmillan, 1979; *Manchester L. Holy Fathers, Secular Sons: Clergy, Intelligentsia, and the Modern Self in Revolutionary Russia*. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2008 [см. в русском переводе: *Манчестер Л. Поповичи в миру: Духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России*. М.: Новое литературное обозрение, 2015. — *Примеч. ред.*]. О «кризисе ценностей» российского образованного общества начала XX в. см. предисловие к следующему изданию: *A Revolution of the Spirit: Crisis of Value in Russia, 1890–1924* / Ed. by B.G. Rosenthal, M. Bochachevsky-Chomiak, transl. M. Schwartz. New York: Fordham University Press, 1990. P. 1–40.

деспотических политических структур и несправедливых экономических отношений, и Маркс верил, что религия исчезнет с ликвидацией политической и экономической основы, в которой она укоренена. Энгельс, помимо этого, ставил акцент на необходимости научного просвещения, которое избавит людей от ложных и примитивных представлений о мире. Ленин уповал на авангардную роль партии большевиков, требуя, чтобы каждый член партии активно боролся против религии во всех ее видах, — хотя, как и Маркс, он предупреждал, что оскорбление религиозных чувств может превратить пассивных верующих в активных контрреволюционеров. Для большевиков преодоление религии было длительным процессом: прежде чем освободить мировоззрение от религиозных верований, следовало приступить к перестройке повседневной жизни, а прежде чем искоренять религиозные верования, следовало политически нейтрализовать религиозные институты. Таким образом, первым шагом должно было стать решение политических проблем, связанных с религией.

После Октябрьской революции большевики оказались в окружении враждебных держав и были втянуты в Гражданскую войну (1917–1921), поэтому их первоочередной задачей было удержаться у власти. Для Ленина успех дела революции определялся модернизацией государства, и он считал, что существенным компонентом современных политических порядков является подчинение религии государственной власти. В своей работе «Социализм и религия» (1905) он доказывал, что только революция может «покончить с тем позорным и проклятым прошлым [России], когда церковь была в крепостной зависимости от государства, а русские граждане были в крепостной зависимости у государственной церкви... Полное отделение церкви от государства — вот то требование, которое предъявляет социалистический пролетариат к современному государству и современной церкви»¹. Следуя

1. Ленин В.И. Социализм и религия // Ленин об атеизме, религии и церкви (Сборник статей, писем и других материалов). М.: Мысль, 1969. С. 45.

этой логике, партия сразу же выпустила серию декретов, которые должны были заложить фундамент современного секулярного государства. Согласно Декрету о земле (26 октября 1917 г.) были национализированы все монастырские и церковные земли¹. Другой декрет, «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» (18 декабря 1917 г.), объявлял о создании новых государственных органов — отделов записи актов гражданского состояния (ЗАГС), чтобы вывести регистрацию рождений, браков, смертей и разводов из сферы контроля религиозных учреждений². Наконец, согласно третьему декрету, «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (23 января 1918 г.), религиозные организации лишались статуса юридического лица, а религия выводилась из сферы государственного управления и образования³. Лишив церковь гражданских прав, большевики также изъяли из рук духовенства управление и контроль над самой религиозной жизнью. Поскольку церковным приходам более не дозволялось владеть собственностью, теперь они должны были арендовать церковные здания у государства. Священники стали служащими по найму у приходских «двадцаток», групп прихожан-мирян, зарегистрировавшихся в качестве религиозной общины и ведавших приходскими делами. В совокупности эти меры резко сократили автономию религиозных учреждений и сделали высшей инстанцией в религиозных делах государство.

1. Декрет о земле // Декреты советской власти. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1957. Т. 1. С. 17–19.
2. Декрет о гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. / Управление Совнаркома СССР. М., 1942. С. 161–163.
3. Декрет Совета народных комиссаров «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» // Собрание узаконений и распоряжений... С. 286–287. Первый вариант декрета, выпущенного тремя днями позже с некоторыми поправками, был озаглавлен «Декрет о свободе совести, церковных и религиозных организациях» (20 января 1918 г.). См.: Декрет о свободе совести, церковных и религиозных организациях // Декреты советской власти. Т. 1. С. 373–374.